

A dark, atmospheric photograph of a wooden house at night. The house has a steep, shingled roof and several windows that are illuminated from within, casting a warm glow. In the foreground, the back of a person wearing a hooded jacket is visible, looking towards the house. The overall mood is somber and mysterious.

Денис Некрут

**Гранит.
Часть
1**

Денис Некрут

Гранит. Часть 1

<https://litres.ru/73806422>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир замер. Города превратились в кладбища, небо затянуто пеплом, а воздух отравлен. День 1379 после Катастрофы. Андрей и Ирина возможно, последние живые души на выжженной земле. Их жизнь это бегство от пустоты. Скрываясь в руинах, они находят мимолетный приют в заброшенном универмаге, где среди тления и пыли вдруг вспыхивает свет буквально и метафорически. Но их хрупкий мир разрушается...

Содержание

Мир?	4
«День 1379 после Катастрофы»	9
День 1380. Тишина стала громкой.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Денис Некрут

Гранит. Часть 1

Мир?

Опустевшая улица пахла выжженной травой и паленой резиной. Редкие остовы машин — груды металла, резины и пластика. Они уже никогда не сдвинуться со своих мест. Многоэтажки превратились в скелеты, оконные проемы будто пустые глазницы черепа, когда-то в них была жизнь. Вся эта пустота напоминала останки человека. Все в этом мире остановилось в одно мгновение. Будто сбой в матрице, заставил мир опустеть.

Но все же в одном окне горит свет, тлеет луч надежды на жизнь, последний шанс. Дом, кажется его построили для одного поэта. Хороший летний домик, о таком мечтал каждый гражданин СССР. Когда-то в нем вели светские встречи и может быть планировали государственные перевороты. Теперь он стал приютом для них.

Лучше дома.

- Андрей, у нас заканчиваются фильтры для респираторов, осталось 6 штук.

Ирина продолжила перебирать вещи, все только необходимое для выживания. Ценность дорогих вещей и предметов роскоши отпадает ровно в тот момент, когда ты остаешься без еды и зависишь от воли случая.

Андрей вносил в список все вещи, все что им удалось найти для их выживания. Он перевернул листок и остановил свой взгляд на рисунок. Детский рисунок. Мама... Папа... Я... Брат... Дом... Скупая мужская слеза покатила по щеке Андрея.

Ирина увидела рисунок в руках Андрея, но не смогла произнести ни слова. Ни дня не проходило, чтобы она не погружалась в воспоминания, в них так все было прекрасно, будто прошлого не было вовсе, будто все это фантастика.

- Андрей, наших запасов еды хватит дней на 10, максимум на 12. На сколько хватит фильтров?

- Здесь хватит на долго, но без еды тут делать нечего. Сама знаешь, в этой почве уже ничего не растет. - Андрей сурово с долей грусти ответил Ирине.

Он знал, он не должен показывать своим видом, что он подавлен, что у него нет плана. Они не могут и дальше скитаться по пустым деревням. Им нужно попасть в военную

часть связи. Может там им удастся вязаться с кем-то, может где-то там осталась еще жизнь?

- Я так хочу кофе с молоком. - Ирина даже поперхнулась

- О да, еще бы сигаретку. - Андрей достает спрятанную банку сгущенки, он хотел подарить ее позже, на дату их свадьбы, 10 лет как. Хотя он уже не уверен в точной сегодняшней даты.

Он протягивает банку Ирине. Даже через респиратор он видит по глазам, что она улыбнулась, на этот маленький миг. В этом мире он старался радовать ее маленькими подарками, ведь только Она дает ему тягу к жизни.

Тишину в стенах дома разорвал хрип из приемника. - «...
зона Гранит 8.2 ... стабильна...»

Ирина уже не могла слышать этот бред. За долгие поиски, они так и не выяснил, что это за «зона Гранит». Она выключила приемник и вернулась к Андрею.

- Что на приборах? Можно уже снять маску? - ее голос отражал все недовольство. Ее нежная кожа страдала от грубой резины.

Андрей взглянул на приборы. Он не знал, верить ли показаниям, Ему уже ни раз приходилось чинить их и уверенности в точности показаний нет. Он уже не помнит, сколько времени прибор с ними. Он кивнул Ирине - Можно.

Первое, что заставляет замереть - её взгляд. В нём нет ни страха, лишь внимательность, скрывающая глубину. Светлые глаза, единственное что красит этот выжженный

мир. Когда взгляд останавливается на тебе, проскальзывает неожиданная пронизательность и тихая усталость. Она не смотрит - она читает, чувствует, словно касается мысленно.

Из-под маски проступают черты милой, уставшей девушки. Кожа, хоть и тронутая ветром, сохранила тонкость, а у глаз легли тонкие морщинки, от редких, но искренних улыбок. Шрамы не уродуют, а придают лицу характер: едва заметная серебристая полоска на брови.

Волосы, убранные под капюшон, выбиваются мягкими прядями у висков, светлыми от солнца. В их беспорядке трогательная нежность и манящая дерзость. Даже утомленная жизнью в суровом мире, она так и притягивает на себя взгляд.

Её широкие плечи и стройный силуэт. В нем нет тяжести - лишь точность и какая-то особая грация. А когда она поправляет прядь волос или поправляет ремень рюкзака, в жесте внезапно просыпается та самая, почти забытая в этом мире, женственность.

- Завтра поедем на запад, там должна была остаться военная часть связистов. - пробормотал Андрей

- У нас получится? Ехать далеко, стоит ли нам так рисковать? - голос Ирины немного дрожал, она была не уверена, что им что-то удастся найти.

- Больше ждать нельзя, нам нужно выбираться и из-под этого свинцового занавеса.

Даже спустя столь долгое время, Андрей верил, что они

не одни. И от того его паника усиливалась. Спать он старался ложиться в кресле, а к руке скотчем приматывал пистолет. Выжившие люди могут быть опасны и не желать им добра. Он уже давно не видел снов, от того ночью он становился чувствительней и просыпался от каждого шороха.

Ирина же спала в своем любимом спальнике, подкладывая под него найденные матрасы, чтобы было мягче и сворачивалась калачиком, как ребенок в утробе матери. Так она чувствует себя в безопасности. Она знает, Андрей всегда на чеку.

Ночная тишина

Снаружи дом выглядел мрачно, тусклый свет керосинки освещал черты фасада дома. Андрей каждую ночь разжигал огонь, может случайный путник увидит свет.

Возле дома было видно и машину. УАЗ 469, эту машину ни с чем не перепутать, военный внедорожник, что стал верным другом в этом мертвом мире.

В окне дома было видно, как свет керосинки медленно потухал, так же погружались в сон Ирина и Андрей.

- Рано еще очень рано, он не должен добраться. - Силуэт скрылся во тьме.

«День 1379 после Катастрофы»

Утро

Солнце едва пробивалось сквозь плотную пелену облаков, но мир все также оставался черно белым. Андрей не спал. Всю ночь его рука сжимала рукоять пистолета, а в ушах стояла оглушительная тишина, в которой каждый скрип казался шагом приближающейся опасности.

Он смотрел на спящую Ирину. В сером полумраке, свернувшись калачиком, она казалась хрупкой девочкой. Тонкая ниточка слюны засохла в уголке ее рта. В этом был диссонанс - невинность против мира, который умер.

Его собственные глаза горели от бессонницы. Он аккуратно, чтобы не разбудить ее, отлепил скотч. Кожа на запястье была красной и воспаленной. Ирина проснулась и стала перебирала последние банки с тушенкой, укладывая их в рюкзак с почти религиозной аккуратностью. Каждая банка - это еще несколько часов жизни.

- Андрей?

- Мм?

- А если мы никого не найдем? - ее спина была к нему, поэтому он не видел ее лица, только слышал приглушенный

голос. - Если эта военная часть - такая же груда металла, как и все остальное?

- Тогда мы найдем следующую. И следующую. - Его ответ прозвучал автоматически.

Она обернулась. Ее лицо было серьезным.

- Мне будет достаточно, если мы найдем место, где можно просто... перестать бояться. Где можно будет посмотреть на небо, не думая о страхе.

Андрей подошел и обнял ее, прижав голову к своему плечу. Он чувствовал, как напряжены ее мышцы.

- Мы найдем - прошептал он уже не в ее волосы, а в затхлый воздух комнаты, сам не зная, кому он это говорит - ей или себе.

ЛЕТНИЙ ДОМИК - УТРО - НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ СПУСТЯ

Вместо слов он кивнул в сторону сложенных рюкзаков.

-Пора.

Они двигались на автопилоте, годами выверенными движениями зачехляя керосиновую лампу, проверяя каждый замок на дверях и окнах опустевшего дома. Их молчание было не неловким, а сосредоточенным - ритуалом перед прыжком в неизвестность.

УАЗ 469, верный «Козёл», фыркнул черным выхлопом,

будто нехотя пробуждаясь ото сна. Андрей бросил последний взгляд на домик. Теперь и этот островок безопасности оставался позади.

ШОССЕ - НОЧЬ

Машина вынырнула из тесных объятий проселочной дороги на широкую ленту мертвого шоссе. Это было похоже на въезд в гигантское кладбище. Остовы фур и легковушек стояли в причудливых позах, словно застывшие в последней агонии скелеты доисторических животных.

Андрей всматривался в темноту, которую рассекали лишь жалкие лучи фар. Мир сузился до этого маленького светового кокона, прыгающего по разбитому асфальту. Ирина, не в силах бороться с усталостью, дремала, прислонившись головой к холодному стеклу.

Внезапно его тело напряглось раньше, чем мозг успел обработать сигнал. Из темноты, прямо по курсу, материализовалась фигура. Непропорционально толстый, грузный силуэт в длинном пальто, стоявший посреди полосы спиной к ним и не подававший признаков жизни.

Не было времени на мысли, только на рефлекс.

- Держись! - его крик сорвал Ирину с места.

Он резко вывернул руль влево. «Козёл», верный и неповоротливый, с визгом резины послушался. Мир за окном пре-

вратился в кашу из света и теней. Они пронеслись в сантиметрах от неподвижной фигуры, и в последнее мгновение Андрею показалось, Доктор...

Потом был удар.

Лобовое стекло покрылось паутиной трещин. Шины сорвались в кювет с душераздирающим визгом. Их бросило вперед. Машина с глухим, железным стоном врезалась во что-то мягкое и податливое - в насыпь из песка и старой травы - и замерла, зарывшись капотом в землю.

На секунду воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая только шипением перегретого мотора и тонким звоном в ушах.

Андрей отряхнулся, пытаясь отдышаться. Первая мысль - об Ирине.

- Ира! Ты в порядке?

Ответа не последовало. Он повернулся к ней, и кровь застыла в его жилах.

Ирина безвольно склонилась на бок. Из-под прядей светлых волос на ее лбу сочилась тонкая струйка крови, темной и густой в призрачном свете приборной панели. Ее глаза были закрыты.

Ночь 1379. 23:17.

Сознание возвращалось к Ирине медленно, будто всплы-

вая со дна темной, вязкой воды. Первым пришла боль - тупая, пульсирующая в виске. Потом - звуки: треск небольшого костра, шипение дождя по крыше машины.

Она открыла глаза. Мир плыл. Они были в салоне УАЗа, откиннутые сиденья служили им постелью. Стекло было занавешено брезентом, а снаружи, судя по звуку, он натянул тент, создав убогое, но необходимое укрытие. Во рту у нее был привкус меди и страха.

- Андрей? - ее голос прозвучал хрипло, она кашлянула.

Он сидел напротив, на корточках, спиной к ней, и смотрел на огонь. Его плечи были напряжены до каменной твердости. Он обернулся. Ирина заметила, что он не снял респиратор. И его руки... он что-то зажал в кулаках, сжимая и разжимая пальцы с немой яростью.

- Не двигайся. У тебя сотрясение. - его голос был глухим, безжизненным.

- Все под контролем. Мы переждем ночь в машине. Маски не снимаем.

И, не сказав больше ни слова, он откинул полог тента и шагнул в крошечную тьму и дождь. Его силуэт растворился в непроглядной пелене.

Ирина осталась одна с треском костра и нарастающей паникой. Она пыталась встать, но мир поплыл, заставив ее снова рухнуть на сиденье. Бессилие и страх душили ее.

Страх

Андрей шагал, не чувствуя под ногами хлюпающей грязи. В ушах стоял звон. Перед глазами плавала картинка, яркая и обрывочная, как вспышка боли.

Толстый мужчина. Стоит под дождем, не шевелясь. Его лицо скрыто под длинным клювом маски чумного доктора, с темными стеклами очков. Длинный белый плащ, был безупречно чист, будто не от мира сего.

Он видел его. Не сегодня. Где-то раньше. В кошмарах, которые начались после Катастрофы? Или... может, в каком-то медицинском отчете, мельком, еще до того, как все рухнуло? Образ врача-санитара из карантинной зоны? Палача?

Память, отравленная страхом и болью, выдавала лишь обрывки. Он ничего не помнил ясно, только леденящее чувство узнавания, смешанное с первобытным ужасом. Дождь отмывал кровь с рук. Сделав глубокий вдох, пропитанный запахом сырости и металла, он повернул обратно к лагерю.

Когда он вернулся, Ирина лежала с закрытыми глазами, притворяясь спящей. Сквозь щель между ресницами она увидела, как он молча занял свое место у огня, сгорбившись и уставившись в пламя. Его дыхание стало ровнее, но в плечах все еще читалась стальная пружина готовности.

Она не выдержала и приоткрыла глаза, чтобы лучше разглядеть его в тусклом свете. И тогда она увидела. Темные,

маслянистые разводы на рукавах его куртки, у самого запястья, там, где ткань встречалась с бинтами. Кровь.

- Андрей... - ее голос был шепотом, но он прозвучал как выстрел в тишине. - Твои руки... Что случилось? Что ты сделал?

Он, пряча руки. - Все нормально. Я... наложил бинт. Порезался о разбитое стекло. Тебе нужно поспать.

Его голос был плоским, обрезанным. В нем не было ни капли убедительности, только тяжелая, давящая ложь, которая повисла между ними густым, ядовитым туманом. Он не смотрел на нее, его взгляд был прикован к темноте за пределами их хрупкого укрытия, как будто он ждал, что из нее вот-вот появится тот, кого он так не хотел вспоминать.

День 1380. Тишина стала громкой.

ДОРОГА - УТРО

Серое, безжалостное утро вползло в их лагерь, не принеся с собой утешения. Дождь прекратился, оставив после себя сырую, пронизывающую до костей сырость. Они молча собирали немногочисленные вещи. Движения Андрея были резкими, отрывистыми, он избегал взгляда Ирины. Она, все еще бледная, с затуманенным от боли взглядом, делала все медленно, будто сквозь воду, стараясь не провоцировать пульсацию в виске.

УАЗ стоял, безнадежно вкопанный носом в рыхлую землю. Осмотр показал, о дальнейшей поездке не могло быть и речи.

-Идем пешком. Только самое необходимое, - бросил Андрей, натягивая рюкзак. Его голос был хриплым от недосыпа.

Они двинулись по размокшей обочине, в гробовой тишине, нарушаемой лишь хлопаньем их ботинок и тяжелым дыханием. Напряжение между ними было осязаемым, как третий спутник.

Ирина, идя следом, споткнулась о скрытую грязью кочку.

Мир закружился перед глазами. Андрей инстинктивно схватил ее за локоть, не давая упасть. Их взгляды встретились - в ее глазах был испуг и вопрос, в его - мгновенная паника, которую он тут же погасил, отведя глаза.

- Смотри под ноги, - пробормотал он, отпуская ее руку, но не возобновляя движение.

- Не могу я смотреть под ноги, у меня голова кружится, - тихо, почти с вызовом ответила она. - И... спасибо.

Он кивнул, и в наступившей паузе что-то надломилось.

Ирина шла молча несколько секунд, погруженная в свои мысли.

- А я... руку ломала, - наконец выдавила она, глядя куда-то вдаль, на скелеты машин. - Пыталась с братьями по стройке залезть. Упала с лесов. Отец потом сказал, что я крепкая мартышка.

- У меня в детстве было сотрясение, - неожиданно для себя сказал Андрей, лоя ртом воздух. Говорить было больно, но молчать - невыносимо. - Катался на велосипеде, не вписался в поворот. Помню, как мама кричала на папу, что он плохо за мной смотрел.

В его голосе прозвучала не детская обида, а взрослая, выношенная горечь от этого молчания.

- Зато ты сейчас удар держишь, - слабо улыбнулась Ирина, потирая висок. - Держишь все на себе.

Он резко обернулся к ней, и в его глазах мелькнуло что-то дикое, испуганное. Старая рана скрывает тайну.

- Ира, не надо, - его голос сорвался на низкую, предупреждающую ноту.

Он замер, словно на месте. Кто он такой? Его лицо стало маской. Детские травмы были безопасным прошлым. Призрак из вчерашней ночи - опасным, необъяснимым настоящим.

Андрей посмотрел на ее испуганное, бледное лицо, на повязку на ее лбу, под которой запеклась ее кровь. Он не мог сказать ей правду. Не сейчас.

- Идем. Нам нужно идти, мы уже близко.

И они пошли дальше, оставив позади сломанную машину, унося с собой не только запасы и оружие, но и груз невысказанных слов и общую, до боли знакомую боль из далекого, мирного прошлого, которая вдруг стала такой же острой, как и боль настоящего.

Тление времени

Они шли несколько часов, и мир вокруг постепенно менялся. Редкие деревья сменились участками с домами, а затем и первых пятиэтажек. Они достигли окраины небольшого города. Безжизненные улицы, заваленные мусором и машинами, встречали их скрипом от ветра. Вывески почернели и облупились, стекла в витринах были выбиты. Воздух, даже через фильтры, окрашивал все в черный цвет, давая привкус

влажной пыли и тления времени.

- Анализ показывает, что здесь воздух чист. - После такой «головокрушительной» ночи, это была положительная новость.

Андрей остановился на площади перед большим, некогда помпезным зданием из стекла и бетона. Выцветшая надпись: «Универмаг».

- Здесь, - его голос прозвучал глухо, эхом отражаясь от пустых фасадов. - Остановимся. Разобьем лагерь внутри. Надо отдохнуть, сменить повязки, пополнить запасы и... осмотреться.

Ирина молча кивнула. Мысль о крыше над головой, даже такой призрачной и ненадежной, была невыразимо привлекательна. Ее ноги горели, а рана на лбу пульсировала назойливой болью.

Андрей двинулся первым, сняв пистолет с предохранителя. Его взгляд беспокойно скользил по темным проемам входных дверей, по пустым глазницам окон на втором этаже. Торговый центр был идеальной ловушкой, и он это знал. Но и идеальным укрытием - большим, запутанным, с множеством путей для отступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.